

ДОМ ЛИБМАНА

Серия публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними ретроспективным общественным бытом, продолжается. Неизменный спонсор рубрики – агентство недвижимости "Капитал", давно и плодотворно работающее на отечественном рынке недвижимости. На этот раз речь пойдет об одном из самых известных исторических зданий города.

Предшественница дома Либмана, гауптвахта, вплетена как в социальную, так и в культурную историю Одессы. Учреждение это официально именовалось канцелярией или управлением одесского военного коменданта, нередко исполнявшего обязанности градоначальника. Так, например, небезызвестный генерал Фома (Томас) Александрович Кобле (1761-1833 гг.) фактически принял полномочия от герцога Ришелье и целый год, с 1814 по 1815-й, возглавлял администрацию Одессы и края до самого прибытия графа А.Ф. Ланжерона. Именно тогда, по приезду Ланжерона, и было принято решение о строительстве резиденции военного коменданта. Дело это было поручено военному инженеру Ивану Ивановичу Кругу (год рождения неизвестен, умер в 1826-м).

И.И. Круг был потомственным инженером, фортификатором, гидротехником, прибыл на российскую службу из Австрии и в 1804 году откомандирован в Одесский строительный комитет. Под его началом строились многочисленные казармы вдоль черты порто-франко (совместно с Е.Х. Ферстером), большой портовый мол (1810-е годы, при участии А.И. Шостака), укреплялся берег вдоль Карантинной и Практической гавани (1815-1822 годы), возводилось основание звонницы Спасо-Преображенского собора (1825 год, проект Ф.М. Шестакова). По его проекту в 1810 году построен жилой дом на углу Надеждинской улицы и Казарменного переулка, больше известный в нашем краеведении и истории градостроительства как "дом Отона", поскольку принадлежал частично перестроившему его архитектору Л.Ц. Отону.

Ставшая одним из символов Одессы старая башенка и аркадная стена в Александровском парке, над морем, тоже построены И.И. Кругом: строились они для портового карантина вместе с пакгаузами для товаров и оградой (1803-1807 и 1809-1810 годы); башенка предназначалась для

хранения снятого с судов пороха. Он же возводил ряд сооружений для таможни, богадельню на старом христианском кладбище (1826 год; здание сохранилось в перестроенном виде). А гауптвахта сооружалась в 1817-1818 годах на одном из самых престижных в городе мест: рядом с собором, напротив Городского дома (бывший дом Феликса Дерибаса), на пересечении Дерibasовской, Преображенской и Садовой, по сути — на Соборной площади. Из сохранившихся изображений видно, что канцелярия коменданта представляла собой поистине "маленький античный храм" — аккуратный двухэтажный домик в стиле русского классицизма с фронтоном и портиком в четыре ионические колонны посередине фасада, напоминающий уменьшенную копию упомянутого дома Феликса Дерибаса.

Понятно, что гауптвахта — памятное пушкинское место: Поэт служил через дорогу, где ныне дом греческого консульства (бывший дом фотохудожника Александра Хлопонина, 1870 года постройки), а прежде тут помещались здания дипломатической канцелярии новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области графа М.С. Воронцова. Профессор Ришельевского лицея, известный пушкинист К.П. Зеленецкий упоминает гауптвахту в "Записках о бомбардировании Одессы 10 апреля 1854 года", а арестованный герой романа Якова Полонского "Дешевый город" просит полицмейстера позволить ему пойти до гауптвахты в сопровождении друзей. *"Да ведь это близехонько, — уточнил служивый, — на Соборной площади"*. В другом, ироническом, контексте говорится об этом доме в воспоминаниях одесского старожила В.И. Шрайтеля: *"Мой брат, — пишет он, — однажды около гауптвахты (нынешний дом Либмана) по выходе из дрожек попал в яму выше колена. Только с помощью кучера удалось ему выбраться оттуда. Под многими улицами были проложены сводообразные мины. Влага проникала в глубину, многие из них обваливались; наверху же всегда образовывалась яма"*.

В 1840-х годах окрестности гауптвахты приобрели особую значимость. Дело в том, что после начала строительства Пале-Рояля Одесса лишилась так называемого плац-парадного места на Театральной площади, где проводились воинские экзерциции местного гарнизона. И в 1841 году плац для парадов, развода караулов, воинских упражнений был перенесен на Соборную площадь, против гауптвахты и соседних с ним зданий. Территория эта на долгие годы сделалась эпицентром всех выдающихся, ярких событий в жизни города: отсюда начинался или тут завершался крестный ход в ознаменование дня основания Одессы, переноса Касперовской чудотворной иконы в гавань и назад, на этом пятачке при большом стече-

нии народа отмечались церковные и государственные праздники, здесь, в фонтане у входа в Собор, происходил обряд освящения воды в Крещение, Преполовление и др., проводились парады, здесь встречали всех именитых гостей города, включая августейших особ России и большинства европейских стран, здесь в 1863 году был установлен монумент светлейшему князю М.С. Воронцову. По этой причине примыкающая к Дерибасовской и Преображенской часть Соборной площади в начале улицы Садовой стала обретать особый социальный статус и соответственно вздорожала здешняя недвижимость, постепенно стали застраиваться многочисленные пустопорожние места, в том числе между гауптвахтой и домом Лаубаха, а также за ним — близ домов Софьи Гек.

По понятным причинам в домовладениях одесских немцев долго квартировали медики, педагоги, музыканты и тоже преимущественно немецкого происхождения. Так, здесь жили брат упоминавшегося руководителя училища при реформатской общине В.И. Шрайтеля, учитель арифметики, географии и немецкого языка И.И. Шрайтель и его супруга, Мария, преподавательница рукоделия. В доме Лаубаха жили один из лекарей, состоящих на городской службе, Мейер, вольнопрактикующий врач Гатцук, акушерки Бресслер и Шрейдер, учитель музыки Гершгеймер и многие другие. Из ремесленников в доме Гека издавна обосновались изготовители корсетов — Альберт и Цеткина.

В третьей четверти XIX столетия обе стороны улицы Садовой были уже практически полностью, впритирку, застроены. На гравюре 1869 года хорошо видны все пять первых строений, примыкающих к углу Преображенской со стороны Садовой улицы и Соборной площади. На первом плане — *"Управление одесского коменданта, в казенном доме"* (в просторечии — гауптвахта), по-прежнему вызывающее умиление своим пряничным, игрушечным античным видом. Мы видим, кроме того, что подходы к нему окружены низкой оградой, а у входа находится сторожка часового, каковой и сам различим, вышагивающим в портике, за колоннадой. На фотографии 1870-х годов видна и боковая грань этого строения со стороны Преображенской улицы. Протяженность гауптвахты с этой стороны была невелика — фасад в два окна, за которым следовал забор, ограничивающий двор с хозяйственными постройками, за которым находился соседний по Преображенской высокий дом Росси в классическом стиле (прежде дома здесь принадлежали городу, и в них базировалась Одесская питейная контора), носивший тогда № 15 (ранее — №№ 21-23), а гауптвахта — № 17 (ранее — № 25).

Справа — здание гауптвахты

Будка часовой окрашивалась в "казенные цвета" — черные и белые угольники. Рядом подвешивался сигнальный колокол. Завидя начальство, часовой два раза ударял в колокол, и тогда караул в полном составе выскакивал из караульного помещения, выстраивался во фронт рядом с будкой и под барабанный бой брал "на караул". Зеваки не ленились специально навещать сюда, чтобы понаблюдать во всех подробностях "особый военный артикул" — "зарю", когда через четверть часа после сигнала горниста перед тою же будкою проходил регламентированный торжественный церемониал. "Зарю" играли утром и вечером, а от вечера до утра отдавание воинских почестей начальству отменялось. В здании гауптвахты имелись отделения камер для нижнего и офицерского состава. Во дворе находилась полуофициальная, но неременная "холодная" — для протрезвления пьяных и буянов.

Со стороны Соборной площади и улицы Садовой в промежутке между гауптвахтой и домом Гека к этому времени вписался довольно представительный, в два с половиной этажа, дом барона Стуарта. Другой новый дом, Германсона, занял пустопорожнее место между Геком и Лаубахом. Этот дом еще презентабельнее, в три этажа, на высоком цоколе, с чердачными помещениями. Дом Лаубаха тоже различим на прилагаемой иллюстрации, он двухэтажный. Вот эти-то пять сооружений покрывают собой всю площадь, занимаемую ныне № 21, а отчасти — №№ 19 и 17 по Садовой.

В 1870-1880-е годы в этих солидных уже домостроениях квартировали не только педагоги и врачи, но и довольно высокопоставленные чинов-

ники и военные: начальник штаба войск Одесского военного округа генерал-полковник Николай Иванович Козлов, член Одесского окружного суда Иван Иванович Зерен, чиновник МВД, состоящий в распоряжении одесского градоначальника — статский советник Николай Софронович Пикулов, чиновник особых поручений Одесского окружного интендантского управления — майор Калерий Степанович Алешкевич, состоящий по инженерному ведомству того же управления, — полковник Антон Юрьевич Поцейко и др. Кроме того, здесь, как и прежде, жили учителя, медики, юристы: присяжный поверенный С.Э. Вахович, преподаватель немецкого языка И.Э. Шеттле, французского — И.Я. Лиоте, сотрудник Одесской конторы госбанка А.Е. Бачей — родственник писателя А.П. Катаева, медики Циммерман, Лончинский, Пасхалович и др. Из крупных торгово-промышленных учреждений здесь, в 23-м номере по улице Садовой, помещался офис фирмы греческого семейства "Паспати и К".

Вот та нумерация домов по Садовой улице, каковая сложилась к 1875 году и продержалась без малого три десятилетия. № 25 — барона Стурта, № 23 — Гека, № 21 — Германсона, № 19 — Лаубаха, № 17 — Оттерстеттера (Оскар-Вильгельм-Карл Иванович, тоже немец, член церковного совета евангелическо-лютеранского вероисповедания). Гауптвахта, как было сказано, числилась под № 17 по Преображенской и одновременно под № 27 по Садовой, нередко обозначалась дробным номером 17/27. Кроме того, существовала еще сплошная нумерация по Соборной площади, начинавшаяся от дома Папудовых (№ 1), как бы опоясывавшая всю площадь и захватывавшая, например, угловой дом Рокко по четной стороне Садовой и весь "хвост" нечетной, включающий указанные выше строения, принадлежавшие Стурту, Гекам и др.

Перейдем теперь к последнему этапу существования гауптвахты и обстоятельствам строительства дома Либмана. Как свидетельствует известный краевед Ростислав Александров, на исходе 1886 года Управление военного коменданта упразднили; изрядно обветшавший "*казенный дом*", в котором оно располагалось, оказался временно бесхозным и приходил в еще больший упадок. Прошел еще год, в течение которого в Городской Думе не раз бурно дебатировался вопрос о дальнейшем использовании этого строения. Наконец, в феврале 1888 года гауптвахту приобрел "*под снос*" Бернгард Эрнестович Либман, в течение многих лет занимавшийся в Одессе производством хлеба и сдобы.

С 1867 года он заведовал новым кондитерским магазином Дурьяна, открытым в доме Авчинникова на Александровском проспекте. Здесь по

вполне доступным ценам реализовывались "*сдобные печенье всякого рода*" и "*разные кондитерские изделия*". Самоотверженный труд в качестве арендатора на протяжении более чем двух десятилетий позволил "папаше Либману", как его впоследствии величали, сколотить солидный капитал и осуществить давнюю мечту — построить роскошный дом в центре города с собственной пекарней и кондитерской. К осуществлению этой затеи он привлек выдающегося архитектора Э.Я. Меснера, о котором стоит хотя бы немного рассказать.

Эдуард Яковлевич Меснер работал в Одессе в конце XIX — начале XX столетий. С 1892 года служил помощником инженера при Городской управе, с 1899-го — исполнял обязанности архитектора Одесского женского благотворительного общества. Весьма интенсивно занимался частной практикой. Использовал преимущественно стилевые формы неobarocco и neorenaissance, композиционные приемы и декоративные элементы neoromanesque, neorussian styles направлений и модерна.

В числе спроектированных им сооружений: трехэтажный дом Бродского на улице Маразлиевской (1887 г.), дом Трояно на углу Ришельевской и Еврейской (1890 г., совместно с П.Д. Токаревым), двухэтажные дома: Боби на Малороссийской, № 17 и Юришича — на Манежной, № 10, двухэтажный дом и флигель Шпака на Ришельевской, трехэтажный дом Шубного на углу Еврейской и Авчинниковского переулка, трехэтажный дом с мансардами Иоффе на Старопортофранковской улице (1891 г.), двухэтажный с подвалом дом Швенднера на Приморской (1893 г.), двухэтажный дом с подвалом Фишера на Колонтаевской, № 24, трехэтажный с подвалом флигель дома Брици на Греческой, № 17 и другие. Э.Я. Меснер проектировал и многочисленные доходные дома: на углу Нежинской и Спиридоновской (1899 г.), на Мещанской, № 5 (1905 г.), на Екатерининской, № 3 (1912-1913 гг.), на Гаванной, №№ 3-5 (1912-1913 гг., совместно с Х.Я. Скведером), на углу Театрального переулка и Екатерининской (1913 г.), на углу Колодезного переулка и Греческой (1913 г.) и т. д.

Совместно со знаменитым зодчим А.И. Бернардацци Меснер строил здание Одесского отделения Русского технического общества (1892-1894 гг.), сотрудником какового общества состоял и сам. Вместе с архитектором С.А. Ландесманом проектировал "Анатомический музей" на улице Херсонской, № 5 (1910-1912 гг.). Соавтором проекта училища Кеффера и Ферстера на углу Гулевой и Каретного переулка (1912-1913 гг.) был Х.Я. Скведер, а столовой судоремонтного завода (1906 г.) — Пауль Клейн. Из других нежилых сооружений Меснер проектировал церковь

для народных училищ (1899 г.), административный корпус мебельной фабрики по улице Гимназической, № 2 (1913 г.), хлебопекарню и прачечную на Слободке-Романовке (1899 г.). Мы видим, таким образом, что именно Э.Я. Меснер идеально подходил на роль, отведенную ему рачительным и дальновидным "папашей Либманом".

Дом Б.Э. Либмана строился в 1888-1889 годах при участии архитектора Альфреда Ниеса и под надзором инженера Игната Антоновича Моргулиса. Можно было бы процитировать какое-нибудь популярное краеведческое издание, описывающее архитектурные достоинства этого сооружения, однако лучше предоставим слово современнику, лично присутствовавшему при освящении нового здания, последовавшем 19 августа 1889 года. *"Вчера происходило освящение дома и кондитерской Либмана на соборной площади, — свидетельствует репортер "Одесского вестника". — Дом и кондитерская обошлись владельцу в 240.000 рублей, но зато устройство их не оставляет желать ничего лучшего. Повсюду все новейшие приспособления, электрическое освещение и т. д. Пекарня устроена по образцу берлинских и парижских и заслуживает того, чтобы ее детально осмотреть. Достаточно сказать, что две печи стоят 8.000 рублей и специально выписаны из Берлина. Г-н Либман восемь лет и четыре месяца арендовал фирму Ф. Дурьяна, и насколько это предприятие выгодно, видно из того, что за это время уплачено г-ну Дурьяну 100.000 рублей (12.000 рублей в год), да почти столько же было заработка".*

Здесь надо пояснить, что сначала Либман служил управляющим у Георга Людвиг Дурьяна (1812-1870 гг.) и его супруги Луизы Вильгельмины, урожденной Лайдель, а затем стал арендовать пекарню у наследовавшего им сына, Фридриха Людвиговича Дурьяна (1835-1896 гг.), о котором и говорится в газетной заметке.

В начале сентября 1889 года городские службы произвели тщательный санитарный осмотр пекарни, кондитерской, всех хозяйственных помещений и нашли все полностью соответствующим предусмотренным нормативам и правилам. Впрочем, дотошные газетчики по этому поводу не преминули прибавить следующий пассаж: *"Особого помещения для рабочих не имеется. Указанное Либманом помещение для рабочих находится на шестом этаже (на чердаке), куда ведет лестница из 142 ступеней, и состоит всего из двух комнат, плохо освещенных, крайне тесных и ни в коем случае не могущих в санитарном отношении удовлетворить потребность 28 душ рабочих".* Во все это, конечно, можно было бы безоговорочно поверить, если бы в порыве благородного гнева репортер не позабыл, что дом

Либмана не шести-, а четырехэтажный, с великолепной и светлой, кстати говоря, жилой мансардой, почему-то именуемой чердаком.

В последней декаде того же сентября Городская управа специально рассматривала заявление Либмана, просившего разрешить ему застеклить веранду кафе-кондитерской, примыкающей к дому со стороны Соборной площади. С этим в Одессе всегда было очень строго. Так, в свое время знаменитый ресторатор Пале-Рояля, Жан-Батист Карута, прошел все круги бюрократического ада, обращался чуть ли не лично к графу М.С. Воронцову и военному губернатору Д.Д. Ахлестышеву, дабы получить столь желанное дозволение. Но в 1870-1880-е

годы подобные же веранды уже существовали близ кафе братьев Фанкони (а затем — Ф.Я. Скведера), П. Робина и других, а потому Либману разрешили *"застеклить устроенную им металлическую веранду, которая, таким образом, будет служить и зимою"*.

С самого начала своего функционирования кафе-кондитерская Бернгарда Либмана привлекла в число своих преданных поклонников аристократическую и студенческую молодежь, которой пришлось по вкусу не столько, может быть, особые кушанья, сколько сама постановка дела, отвечающая самым свежим запросам по части оборудования и обслуживания. В те годы лишь немногие заведения (скажем, пущенная месяцем раньше гостиница "Империял") могли похвастать электрическим оснащением, в большинстве по старинке сохранялось освещение керосином, *"американским петролеумом"* и т. п. Искреннее восхищение вызывало оформление фасада: скажем, два изящных фонаря в виде женских фигур по обе стороны парадного входа, где ныне — вход в рабочий зал фирмы "Ксерокс", изысканно отделанный большой зал, уютная веранда. Но особым признанием пользовались помещавшиеся тут же изолированные роскошные бильярдные комнаты, каковых в других учреждениях подобного рода практически не было: бильярдные столы обычно размещались в общем зале и создавали определенные неудобства как самим игрокам, так

Кофейня Либмана

и индифферентным к игре посетителям. Разумеется, как и в каждом солидном заведении, тут использовалась посуда, пепельницы, спичечницы, упаковочные материалы с фирменной атрибутикой Б.Э. Либмана, а впоследствии его наследников.

Вот одно из самых первых его рекламных объявлений: *"Кондитерская Б. Либмана в Одессе, угол Дерибасовской и Преображенской улиц, против Соборной площади, в собственном доме. Прекрасно устроенное помещение с большой верандой и отдельной бильярдной комнатой. Освещение везде электрическое. Чай, кофе, шоколад. Буфет с закусками. Шоколад, оршад и другие прохладительные напитки. Кондитерские печения всевозможных сортов. Принимаются заказы на пасхи, куличи, торты и прочее. Паровая механическая пекарня различных сортов хлеба"*. В другом объявлении того же периода подчеркивается, что в этом заведении, помимо обычного, *"приготавливается алейронатный хлеб и печенье для страдающих сахарной болезнью"*.

В замечательном романе Льва Славина "Наследник" подчеркивается именно эта, бильярдная, особенность элитарного кафе-кондитерской: *"Мы прошли по Соборной площади, но не через центр, залитый светом, а по темной боковой аллее, меж мароньеров и акаций. На матовых стеклах кафе Либмана мелькали силуэты бильярдистов"*. Из этого текста следует, что, в отличие от нынешних, прежние увеселительные заведения в первых этажах были недоступны взору, поскольку их посетители далеко не всегда желали афишировать свое присутствие дефилирующей мимо почтеннейшей публике и разного рода зевакам. Впрочем, в теплое время года хочешь — не хочешь, веранда была открытой, под обычным тентом, так называемым "маркизом" — в поперечную красную полоску на светлом фоне. Может быть, как раз из-за этого многообразия, сезонной изменчивости, старинный интерьер и удостоился присутствия Ивана Бунина, Александра Куприна, Валентина Катаева, Эдуарда Багрицкого, Юрия Олеши, Льва Славина, Сандро Фазини — старшего брата Ильи Ильфа, братьев Бобович и многих других выдающихся литераторов, художников, актеров.

Точно так же, как теперь ближайшие к железнодорожному вокзалу кварталы Пушкинской и Ришельевской служат подлинным "птичьим базаром", так в прежние годы пристанищем пернатых служил дом Либмана, очевидно, привлекавший их внимание своим высоким ростом и обилием импровизированных насестов — деталей декоративной лепнины, скульптурами, вазами, картушами с инициалом владельца — "Л" и прочими выпуклостями. В 1916 году А.И. Куприн написал рассказ "Скворцы", в кото-

ром передает впечатление от занимательного зрелища: *"Сделав опасную переправу через морскую раковину, скворцы отдыхают (...) в определенном, излюбленном из года в год месте. Одно такое место мне пришлось (...) видеть в Одессе, весной. Это дом на углу Преображенской улицы и Соборной площади... Был этот дом тогда совсем черен и точно весь шевелился от великого множества скворцов, обсевших его повсюду: на крыше, на балконах, карнизах, подоконниках, наличниках, оконных козырьках и лепных украшениях... Сколько там было оглушительного крика, писка, свиста, трескотни, щебетанья и всяческой скворчиной суеты..."*. Прибавим, что обычно наблюдал эту картину Куприн, выйдя из заведения Гоппенфельдов, "Гамбринус", располагавшегося на противоположной стороне Преображенской, в подвальчике.

Находясь в эмиграции, И.А. Бунин ностальгически вспоминал Одессу, где проходила его молодость, где оставалась его бывшая супруга, и был похоронен малолетний сын... В автобиографическом отчасти рассказе "Галя Ганская" он упомянул *"пятиэтажный угловой дом, где была (...) кофейня — на углу Преображенской и Соборной площади, знаменитый тем, что весной, в солнечные дни, он почему-то всегда бывал унизан по карнизам скворцами и их щебетом... Мило и весело это было чрезвычайно"*. В романе "Хуторок в степи" об этом написал и В.П. Катаев, знакомый Бунина по Одессе: *"В булочных пекли жаворонки с подгоревшими изюмными глазками, и на Соборной площади, над громадным угловым домом, над кафе Либмана (...) летали тучи грачей, своим весенним гомоном заглушая шум города"*.

У Бернгарда Либмана было два сына — Макс и Пауль (Павел), первый из которых весьма успешно продолжил и даже расширил отцовское предприятие. Так, в 1900-х годах большую популярностью пользовалась вторая кондитерская этого семейства, располагавшаяся напротив кафе, почти рядом с "Пассажем", в Городском доме по улице Преображенской, № 36. Выпечкою многочисленных сортов хлеба, булок, печенья, бисквитов, приготовлением конфет занималось сорок квалифицированных мастеров. Только одних конфет реализовывалось на 80 и более тысяч рублей в год.

Что касается кафе-кондитерской на Преображенской, № 23, то в его биографии было немало как трагикомических, так и вполне драматических моментов. Так, в годы первой русской революции Либманы получили от эсеров-террористов меморандум совершенно в духе Бени Крика: внесите столько-то и столько-то денежных знаков, имеющих хождение,

на нужды партии и революции. А поскольку законопослушные немецкие кондитеры никак не могли выступить спонсорами "мирового пожара", то и отказались от столь заманчивого предложения. Дело кончилось тем, что террористы бросили в окно веранды самодельное взрывное устройство. Слава Богу, даже столь решительные люди как эсеры отказались от методов, ныне широко практикуемых экстремистами: они предумышленно бросили бомбу в тот час, когда кофейня была пуста, чтобы избежать невинных жертв. А потому никто и не пострадал, кроме оконных стекол и кое-какой обстановки. На том все и кончилось.

Когда началась первая мировая война, семейство Либманов попало в весьма щекотливое положение, поскольку Макс и Павел сохранили германское подданство. Согласно радикальному постановлению местного генерал-губернатора, начались аресты австрийских и германских граждан, в том числе и тех из них, кто родился и всю жизнь прожил в Одессе. Арестовали и братьев Либман, а принадлежащие им заведения временно закрыли. Но и эта неприятность минула, покуда не пришел следующий "русский бунт — бессмысленный и беспощадный"...

Дальнейшая история дома Либмана малоинтересна. Все верхние этажи, включая мансарды, были раздраконены на коммунальные квартиры. В нижнем этаже в разные годы размещались многочисленные советские учреждения, из которых дольше всего продержалась Центральная сберегательная касса, находившаяся здесь уже в конце 1920-х — начале 1930-х. Касса эта носила № 5340 и числилась центральной в Ворошиловском (Центральном) районе. В годы оккупации (1941-1944 гг.) в этом же помещении находилось румынское издательство "Букул". В 1950-х годах в этом доме помещался крупнейший букинистический магазин Облкниготорга № 19, в котором, по свидетельству замечательного историка градостроительства В.А. Чарнецкого, размещался первый своего рода историко-краеведческий отдел "Одессика".

